

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 165.0

DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-106

МЫСЛИМОСТЬ КАК КВАЗИВОЗМОЖНОСТЬ

Д. В. Анкин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: dmitryankin@gmail.com

‘Conceivability is no proof of logical possibility’
Hilary Putnam [14, 233]

Аннотация. Модальная логика определяет очень многое в современной метафизике и онтологии, которые все дальше углубляются в область возможного, не ограничиваясь анализом действительного. Это делает актуальным исследование проблем философской аргументации, выстраиваемой на основе модальной логики.

Целью работы является доказательство того, что мыслимость не влечет с необходимостью логическую возможность. В силу этого многие виды модальных аргументов, которые включают вывод от мыслимости к возможности, могут оказаться ошибочными.

Методология: автор рассматривает вопрос существования невозможных с точки зрения классического логического всеведения объектов как параллель к идее существования невозможных возможных миров Я. Хинтикки.

Основной идеей предлагаемой статьи является утверждение, что брешь между мыслимостью и возможностью порождается интеллектуальными ограничениями эпистемического агента. Агент непротиворечиво – в рамках имеющейся у него информации, а не в абсолютном смысле – считает логически возможным то, что логически невозможно с точки зрения логического всеведения. Оказывается, что мы способны мыслить не только что-то несуществующее (иметь пустые интенции), но даже вполне способны мыслить логически невозможное. Мыслимость невозможного в чем-то аналогична представимости невозможных объектов, которые конструируются современными художниками.

В работе проводится параллель между мыслимостью тавтологичным такого уравнения, которое не является тавтологичным и мыслимостью в качестве теоремы чего-то такого, что теоремой не является (модальные аргументы С. Крипке).

В качестве частного примера критикуется аргумент зомби Д. Чалмерса, популярный в современной философии сознания. Показывается, что мыслимость зомби не исключает возможную противоречивость зомби с абсолютной точки зрения.

Во второй части также рассматриваются различные типы априорного, выстраивается противоположность между классической идеей логического всеведения и агентным подходом с привлечением категорий семантики возможных миров.

Основной результат предлагаемой работы состоит в доказательстве того, что как формально противоречивое, так и концептуально противоречивое могут находиться за рамками эпистемической достижимости конечного агента. Автором вводится новая философская категория квазивоиможного.

Ключевые слова: мыслимость и возможность, невозможные возможные миры, аргумент зомби, эпистемологический агент, логическое всеведение, концептуальное a priori, квазивоиможное.

Для цитирования: Анкин Д. В. Мыслимость как квазивоиможность // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 6. – С. 106–114. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-106.

THOUGHT AS A QUASI-POSSIBILITY

D. V. Ankin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: dmitryankin@gmail.com

Abstract. Modal logic determines a lot in modern metaphysics and ontology, which delve deeper and deeper

into the realm of the possible, not limited to the analysis of reality. This makes it relevant to study the problems of philosophical argumentation, built on the basis of modal logic.

The aim of the work is to prove that thinkability does not necessarily entail a logical possibility. Because of this, many kinds of modal arguments that involve inference from conceivability to possibility can be flawed.

Methodology: the author considers the question of the existence of objects impossible from the point of view of classical logical omniscience as a parallel to the idea of the existence of impossible possible worlds by J. Hintikka.

The main idea of this article is the assertion that the gap between conceivability and possibility is generated by the intellectual limitations of the epistemic agent. The agent consistently – within the framework of the information available to him, and not in the absolute sense – considers logically possible that which is logically impossible from the point of view of logical omniscience. It turns out that we are able to think not only of something non-existent (to have empty intentions), but even quite capable of thinking the logically impossible. The conceivability of the impossible is somewhat analogous to the conceivability of impossible objects that are constructed by contemporary artists.

The paper draws a parallel between the tautological thinkability of such an equation that is not tautological and the thinkability as a theorem of something that is not a theorem (S. Kripke's modal arguments).

As a particular example, the author criticizes the argument of the zombie by D. Chalmers, which is popular in modern philosophy of consciousness. It is shown that the conceivability of a zombie does not exclude the possible inconsistency of a zombie from an absolute point of view.

In the second part, various types of the a priori are also considered, the opposition is built between the classical idea of logical omniscience and the agent-based approach using the categories of semantics of possible worlds.

The main result of the proposed work is to prove that both formally contradictory and conceptually contradictory can be outside the framework of the epistemic attainability of the final agent. The author introduces a new philosophical category of the quasi-possible.

Key words: conceivability and possibility, impossible possible worlds, zombie argument, epistemological agent, logical omniscience, conceptual a priori, quasi-possible.

Cite as: Ankin, D. V. (2021) [Thought as a quasi-possibility]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 106–114. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-106.

Введение

В предлагаемой статье речь пойдет о категориях возможного и невозможного. Актуальность данных категорий несомненна. Из классических текстов стоит обратить внимание на работу С. Ябло [7], который является одним из ведущих исследователей проблем модальной аргументации, начиная с ранних работ С. Крипке, а из современных – на работу [17], в которой приведен достаточно обширный список исследований современных авторов и имеется выделение наиболее актуальных проблем и подходов по тематике соотношения мыслимого и возможного. Популярное же изложение проблематики модальных аргументов можно посмотреть у К. Фролова [3]. В современной философии активно разрабатывается даже целое новое направление философских исследований – *модальная метафизика* [18]. Существуют как представители модального реализма, вслед за Д. Льюисом, так и более скептические представители номинализма, вслед за У. Куайном. Помимо сказанного, необходимо учитывать взаимосвязи философии сознания и философии языка [2], напрямую философия сознания нас интересовать не будет, однако мы будем анализировать модальную аргументацию Д. Чалмерса из данной области. Наконец, о том, что анализ мыслимости требует Хинттиковскую категорию «невозможных возможных миров» (или нечто эквивалентное) пишет Прист Дж. [13], чему мы и последуем.

Не секрет, что всякий эпистемический агент («субъект познания») имеет ограниченные ресурсы, что прекрасно анализирует и учитывает в своих работах Я. Хинтикка. Автор настоящей статьи также связывает наше признание существования невозможных объектов (пример которых приводится во второй части статьи) с интеллектуальной *конечностью*. Такое признание релятивизируется к ограничениям эпистемического агента, что дает основания уподоблять некоторые из наших мыслимостей данным невозможным объектам.

Доказывается, что мыслимость чего-либо еще не влечет с необходимостью логическую возможность этого чего-то, а значит и все виды модальных аргументов, которые включают переход от мыслимости к возможности, ошибочны. Ограниченность (конечность) эпистемического агента создает пропасть между тем, что агентом мыслится и тем, что действительно логически возможно (или невозможно).

Даже что-то противоречивое может оказаться мыслимым как что-то непротиворечивое для некоторого агента в силу его интеллектуальной ограниченности. Области возможного для неограниченного интеллекта и для ограниченного интеллекта оказываются в отношении взаимного пересечения. Автор относит зомби Д. Чалмерса к *концептуально невозможным* объектам, которые, тем не менее, оказываются мыслимыми и *кажутся* возможными

с точки зрения конечных (ограниченных) эпистемических агентов.

Предлагаемая статья углубляет и обосновывает некоторые ранее высказанные автором идеи [1]. Основной целью настоящей работы является поиск новых дедуктивных аргументов к заявленным нами идеям.

1. Теоретическая возможность мыслить логически невозможное

Хотелось бы начать с некоторых методологических соображений. Одним из подобных методологических соображений является идея Д. Льюиса [12] о релятивизации категории *знания* к возможному миру. Нашей же задачей будет исследование перспектив и путей релятивизации таких абстрактных и менее содержательных категорий, как категории 1) *мыслимого* и 2) *логически возможного*. Если наша аргументация окажется корректна, то возможность чего-либо становится не равновозможной в различных возможных мирах.

Для начала вспомним, что некоторые математические теоремы доказуемы лишь компьютерным способом, и бывает так, что человеку недоступно сколько-нибудь целостное представление проведенного компьютерным способом доказательства. Очевидно, что доказуемо только то, что является логически возможным. Поэтому доказательства чего-то логически возможного, но находящегося за рамками мыслимости и представимости, нас не удивляют. Однако более интересно обратное – а как же обстоит дело с мыслимостью и представимостью *невозможного* (а также невозможного и недоказуемого)? Попробуем ответить на данный вопрос.

Предположим, что у нас имеется достаточно сложная тавтология p , т.е. такая тавтология, которую мы не можем ни схватить интуитивно («представить»), ни доказать логически, т.е. не можем доказать, что данная формула p на самом деле есть тавтология. Тем не менее, недоказанное и даже недоказуемое людьми может оказаться истинным и даже доказуемым в принципе¹. Построим следующее высказывание (A): « p не является тавтологией». Согласно начальным условиям нашего примера, оно будет ложным, но еще не опровергнутым высказыванием, а может оказаться даже в принципе неопровержимым нами (например, при отсутствии NP вычислимого алгоритма опровержения). Смысл высказывания (A) нам понятен, а значит является *мыслимым* нами несмотря на то, что тавтологичность p (равно нетавтологичность p) *сама по себе*, т.е. безотносительно построенного нами высказывания (A) (в которое p входит и которое мы мыслим

и понимаем), не схватывается нашей слабой (= имеющей границы) мыслью.

Таким образом, мы имеем:

1. (A) мыслимо, поскольку его *логическая* ложность (невозможность, противоречивость) не доказана. Ведь мы приняли по условию, что то, что p является тавтологией истинно, но еще не доказано. В данный момент времени (A) может мыслиться нашим агентом как непротиворечивое, а соответствующее данному высказыванию положение дел (нетавтологичность p) может *мыслиться* как возможное.

2. (A) противоречиво, так как утверждается, что тавтология p не есть тавтология. То есть высказывание (A) все же оказывается логически ложным (противоречивым) *в конечном счете*, хоть и не для самого эпистемического агента (субъекта соответствующего высказывания) на данный момент времени, а соответствующее данному высказыванию положение дел оказывается невозможным.

Пункт 1. говорит о знании некоторого ограниченного агента; пункт 2. – о знании в абсолютном смысле. Знание агента, выраженное пунктом 1., не доходит до пункта 2., т.е. до знания глубинной противоречивости утверждения (A), однако это ничего не отменяет – эпистемический агент (он же субъект высказывания) *мыслит* и утверждает такое положение дел, которого не только не существует, но которое даже *логически* невозможно. Непосредственно увидеть (представить) истинную тавтологичность (или нетавтологичность) p в рамках утверждаемого, а значит и мыслимого нашим агентом высказывания (A) невозможно, а о существовании или несуществовании дедуктивного доказательства ничего не известно.

Случай со сложной и недоказанной тавтологией представляется нам вполне эквивалентным случаем со сложной и недоказанной теоремой; данной эквивалентностью мы и будем руководствоваться в дальнейшем.

II. Ошибки модальных аргументов философии сознания

В таком случае, все модальные аргументы, которые включают переход от мыслимого к возможному, могут оказаться ошибочными. Это и аргумент С. Крипке против тождества ментального и физического, и «аргумент зомби» Д. Чалмерса против редукционистского объяснения сознания, и другие аналогичные модальные аргументы. В качестве примера ошибочного вывода от мыслимого к возможному рассмотрим аргумент зомби Д. Чалмерса.

¹ Недоказуемое людьми может оказаться как доказуемым некоторым более сильным интеллектом, так и недоказуемым, но истинным, согласно результатам К. Геделя [9] и А. Тарского [16].

По мнению Д. Чалмерса, мы не способны мыслить ошибочность теоремы Ферма, а когда считаем иначе, то имеем концептуальную путаницу – некогерентность в описании исходной ситуации. Чалмерс говорит, что можно представить ситуацию, в которой последняя теорема Ферма становится ложной. Это будет иметь место тогда, когда ведущие математики станут утверждать, что нашли контрпример, хотя в действительности теорема и верна. Чалмерс справедливо утверждает, что в этом случае ошибаются именно математики, а вовсе не теорема Ферма [6, с. 132].

Однако дело в том, что мы не можем допустить (в рамках приводимого примера), что *для нашего эпистемического агента* теорема «в действительности» верна, но он лишь почему-то утверждает, что она не верна. Это будет не очень хорошая эпистемология достаточно скверного (в силу его лживости) эпистемического агента. Необходимо говорить либо о том, что есть «в действительности», либо о том, что есть «для кого-то» (эпистемического агента). Необходимо говорить либо об объективной истинности, либо лишь о ее *признании*, которое выражается какое-то время математиками, но вполне может с объективной истинностью расходиться.

Проблема не в ошибке самой по себе. В случае с тавтологией мы тоже ошибаемся, считая, что высказывание «р не является тавтологией» истинно, хотя, на самом деле, оно ложно. Однако мы не проявляем какой-либо некогерентности в рамках *имеющейся у нас информации* (!), т. е. информации, которая есть и *обозрима* для нашего интеллекта. В рамках наличной информации мы вполне искренне считаем (при наличии некоторых, однако недостаточных для полного доказательства, оснований), что данная формула не является тавтологией, хотя *в действительности* она вполне может быть тавтологией.

По аналогии с тавтологией можно рассуждать и о теореме. Пусть мы имеем некоторую теорему А, которая истинна, но не доказуема в рамках «хороших», то есть алгоритмических методов. Тогда вполне допустимо называть *мыслью* содержание высказывания «Теорема А ложна». В то же время, *логически невозможно*, чтобы истинное высказывание было ложным высказыванием. Таким образом, мы *мыслим* нечто ложное в качестве истинного, но *быть* истинным для чего бы то ни было ложного *логически невозможно* (невозможно, чтобы ложное было истинным). И мы можем мыслить это логически невозможное всегда и везде, поскольку истинность данной теоремы никогда не станет доказуемой, в силу исходных условий примера (например, доказательство не имеет NP вычислимого алгоритма [5]). И математики никогда не докажут эту истинную теорему, что, в категориях Я. Хинтикки [4], равнозначно недостижимости необходимого

уровня глубинной информации в соответствующем случае.

Значит, в отношении математиков, из примера Чалмерса, мы *можем* мыслить, как то, что они нашли контрпример, так и то, что подобного контрпримера не существует. По-видимому, Чалмерс выдает *апостериорные* знания эпистемического агента за *априорные* знания, которые связываются в его двухаспектной семантике с понятием первичного интенционала: «Важно, однако, что подобного рода ошибки всегда имеют априорный характер, так как они возникают из неверного применения первичных интенционалов наших понятий к представленной ситуации» [6, с. 132]. Увы, наши понятия не всегда соответствуют понятиям, которые могли бы быть у бесконечного интеллекта (если бы такой существовал), а иногда даже не являются для него понятиями, в силу собственной некогерентности. В подобном случае то, что мы называем своими *понятиями*, не является в действительности понятиями (например, остается лишь представлениями). Иногда нам лишь *кажется*, что мы *мыслим*, хотя на самом деле мы в этот момент не мыслим, если под мыслью иметь в виду то, что имел в виду Г. Фреге – нечто, что выступает носителем некоторого истинностного значения (то есть значения «истина» или значения «ложь»).

Помимо формальных и математических истин есть истины эмпирические. Если выражаться в категориях метафизики Лейбница, то можно сказать, что для бесконечного интеллекта *все существующее* оказывается *логически* возможным, однако для наших *конечных* интеллектов, или эпистемических агентов имеются «истины факта», которые не могут быть логически проанализированы в силу их ограниченности. Можно предположить, что классическое деление истин на *логические* и *фактические* оказывается актуальным прежде всего для существ конечных (эпистемических агентов), но может оказаться неприменимым в сфере интеллекта бесконечного (что требует доказательства, выходящего за рамки нашей статьи).

Сказанное означает, что претензия Чалмерса на суждение о *логической* возможности или невозможности чего-либо *фактического* эквивалентно претензии на обладание *бесконечным* интеллектом. Интерпретация *фактической* для нас действительности (истин факта) в качестве *логической* возможности / невозможности (истин разума) доступна лишь интеллекту бесконечному. Эксплицировать логическую возможность чего-либо фактического может бесконечный интеллект, но никак не Чалмерс.

Итак, экспликация *логической* когерентности или некогерентности чего-либо, относящегося к «истинам факта», человеку как агенту конечному (ограниченному) недоступно. Ни зомби, ни круглые

квадраты, ни урановые горы нашими логиками никогда не будут проанализированы полностью и не могут быть ими опровергнуты. Для их элиминации нам, конечным агентам, всегда требуется какой-то дополнительный, *нелогический* инструментарий. В частности, теория дескрипций Б. Рассела не сможет поставить точку в борьбе с пегасами, кентаврами, круглыми квадратами и т. д. Теория дескрипций всего лишь предоставляет нам корректную логическую форму, пригодную для *возможного* отрицания тех или иных подозрительных сущностей. Однако само их отрицание у конечных агентов не может иметь чисто логического характера.

Ситуация в области *утвердительных* высказываний о существовании тех или иных неэмпирических сущностей аналогична ситуации с *отрицательными* экзистенциальными высказываниями в том отношении, что и здесь мы выходим за рамки представимости. Возьмем, например, высказывание «тысячеугольник существует». Не думаю, что Чалмерс стал бы настаивать, что тысячеугольник представим в качестве некоторой чувственной данности, равным образом, он вряд ли стал бы настаивать на апостериорном характере данного высказывания. Тем не менее, возможность истинности, а значит мыслимости (*conceivability*) приведенного высказывания мирно уживается с непредставимостью тысячеугольника человеком.

Мы продемонстрировали, что мыслимость с возможностью расходятся – мы не всегда способны мыслить что-то логически возможное и не всегда способны доказать несуществование чего-то эмпирически невозможного. Однако для нашего дальнейшего анализа еще более интересно несколько иное расхождение между мыслимым и возможным. Более интересно, что *мы способны мыслить* не только что-то *несуществующее*, но и *невозможное*. Это гораздо экстравагантней, чем иметь просто пустые интенции, или не иметь интенций. *Невозможные объекты* конструируются и мыслятся нами, *сущностями конечными*, в том числе даже *логически невозможные объекты*.

Если перейти на язык категорий Я. Хинтикки [4], то можно сказать, что логически невозможные объекты, которые нас интересуют, конструируются² нашим интеллектом на уровне *поверхностной информации*. Можно предположить, что *мыслимость* на уровне поверхностной информации некоторого объекта или положения дел как возможного не влечет *логической возможности* данного объекта на уровне глубинной информации (логически возможное в абсолютном смысле есть сфера интеллекта бесконечного, всеведущего). Тогда Хинтикковские

«невозможные возможные миры» [10] суть порождение интеллекта некоторого *конечного* агента, а для бесконечного интеллекта таких миров нет; невозможные возможные миры – продукт нашей интеллектуальной конечности, нашей ограниченности как эпистемических агентов.

Можно было бы подумать, что области возможного с точки зрения неограниченного интеллекта и возможного с точки зрения ограниченного интеллекта как-то включаются друг в друга, но это не так. Области возможного того и другого находятся в отношении *взаимного пересечения*.

Такое соотношение областей возможного складывается потому, что неограниченный интеллект мыслит в качестве логически возможного все существующее плюс весь бесконечный универсум тавтологий и теорем. Конечный же интеллект мыслит как логически возможное следующее: 1) часть настоящих тавтологий плюс множество квазитавтологий, которые не есть тавтологии (но он считает их тавтологиями); 2) множество настоящих теорем плюс множество квазитеорем, которые не есть теоремы (но он считает их теоремами); 3) доступное данному интеллекту сущее (наличные объекты) плюс множество объектов, которые невозможно построить (но он считает их наличными объектами).

Невозможное, но мыслимое нами неоднородно, поэтому имеет смысл вопрос о *типах* того, что логически невозможно, но мыслимо. Во-первых, следует различать мысль о логически невозможном объекте и логически некорректную мысль. В данной статье нас интересует исключительно *логически* корректная (когерентная) мысль о логически невозможном объекте. Нас интересует ситуация, когда агент не совершает чисто *логической* ошибки, однако его ошибка с *необходимостью* порождается ограниченностью имеющейся у нашего агента информации, именно неполнота информации есть источник невозможных объектов (аналогично тому, как неудовлетворенность потребности есть источник грез и галлюцинаций).

Во-вторых, *некоторые, но не все* типы невозможных объектов *представимы* нами. Имеются как представимые, так и непредставимые невозможные объекты. Так, например, геометрически невозможные объекты отличаются от логически невозможных объектов (тавтологий, теорем и т. д.) именно своей представимостью (в крайнем случае – потенциальной). В качестве примера геометрически невозможных объектов можно привести лестницу, сконструированную Оскаром Реутерсвардом (рис. 1) (после него тему невозможных фигур гениально разрабатывал Мауриц Эшер и некоторые другие художни-

² Представляется, что принципы конструирования невозможных возможных миров у Я. Хинтикки в чем-то аналогичны принципам возникновения трансцендентальной иллюзии по И. Канту.

ки). Движение по лестнице на уровне восприятия ближайших ступенек не вызывает противоречия, однако чуть более продолжительный ряд оказывается противоречивым, поскольку движение вверх приво-

дит нас вниз, и наоборот. Значит, не только представленный, но даже и нарисованный нами объект (рис. 1) оказывается на самом деле геометрически невозможным объектом (в эвклидовом смысле):

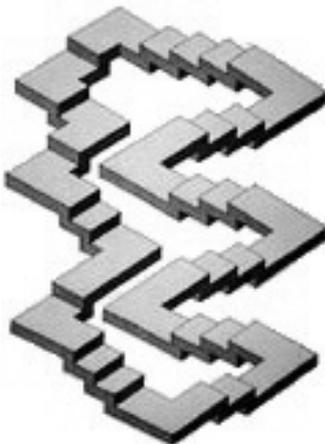

Рис. 1. Невозможная лестница Оскара Реутерсварда

Вернемся к Чалмерсу, и рассмотрим в качестве примера мыслимого, но невозможного объекта представление о *философском зомби* и аргументацию, связанную с данным представлением. Какие следствия для оценки корректности данного аргумента мы получим, если принять нашу гипотезу порождения невозможных объектов всяким конечным эпистемическим агентом? Если из мыслимости логическая возможность еще не следует (как мы показали выше), то аргумент зомби оказывается *ошибочным*, так как он построен на выведении логической возможности зомби из его мыслимости. Если же зомби следует исключить из числа возможных объектов, то куда его следует поместить? Можно сказать, используя категории Хинтикки, что зомби оказываются обитателями *невозможных возможных миров* – т.е. миров конструируемых и мыслимых некоторыми эпистемическими агентами в силу их ограниченности. С точки же зрения всеведущего интеллекта («логическое всеведение» Хинтикки), всезнающий интеллект не несет ответственности за наличие зомби. Получается что-то вроде теодицеи Лейбница, снимающей ответственность за существование зомби с бесконечного интеллекта и делающей нас, конечных эпистемических агентов, творцами данной нечисти.

Чалмерс считает, что информация о зомби не является самопротиворечивой и требует от собственных оппонентов доказательства противного. То есть на оппонента ложится не просто тяжкое, но даже невозможное бремя *доказательства несуществования* зомби. А иначе, считает Чалмерс, зомби должен быть перемещен в область логически возможного. То есть, если сам Чалмерс не замечает внутренней некогерентности зомби, то мы почему-

то должны считать, что ее и нет [6, с. 132].

Следуя аргументации Чалмерса, мы будем вынуждены делать странные заключения: если «внутренняя некогерентность не может быть раскрыта», ... то ее нет (!); а если у меня есть «ясная картина», ... то имеется и *логическая возможность* (!). «Признаюсь, что логическая возможность зомби кажется мне столь же очевидной. ... я не могу заметить какого-либо противоречия в этом описании (описании зомби – Д.А.)» [6, с. 129]. Поразительный вывод – если я (и другие) не могу заметить противоречия, значит его и нет! Блаженны верующие... Однако некоторые из них уже попали в лапы зомби, и им уже не помочь, поскольку *доказать* то, что мы так ясно уже *помыслили* ранее – логическую невозможность зомби – способен лишь бесконечный интеллект. Наша возможно истинная мысль о логической невозможности зомби вполне может оказаться недоказуемой.

Опасность в том, что логика необычайно толерантна ко всем нашим измышлениям. В значительной степени, это определяется тем, что доказать противоречивость чего-либо в *абсолютном* смысле просто невозможно. Противоречие всегда имеет место исключительно в *относительном* смысле, в пределах некоторого языка (и логики), как это доказал Алонозо Черч применительно к теории чисел [8]. Если же противоречий в абсолютном смысле не существует, то это является веским аргументом в пользу тезиса о проблематичности установления противоречивости всяким конечным интеллектом. Противоречивость оказывается чем-то труднодоказуемым.

Поэтому требование Д. Чалмерса к своему оппоненту «раскрыть внутреннюю некогерентность» *его собственных* (т.е. самого Чалмерса – Д. А.)

представлений выполнимо, разве что, Господом Богом. Однако сам Чалмерс почему-то полагает, что невыполнение данного требования подрывает позиции его оппонентов, аргументирующих против перехода от представимости к логической возможности. Если не доказано, что переход от представимости к логической возможности некорректен, значит именно те, кто думает, что он некорректен должны доказывать это! Увы, нечто хорошее для демократии не всегда пригодно для науки, в которой утверждающий не может считаться правым, если не опровергнут его оппонент. Поэтому перекладывание бремени доказательства на оппонента не является хорошим аргументом для обоснования истинности собственных утверждений.

В частности, следует помнить о такой банальности, как доказательство экзистенциальных высказываний. Если утверждается существование чего бы то ни было (например, мелкого заварочного чайника где-то между орбитами Земли и Луны – пример Б. Рассела [15]), то доказательство ложится исключительно на плечи утверждающего (но никак не отрицающего). Отрицающий же, или сомневающийся в чем-либо *не обязаны* ничего вам доказывать.

Заключение

Попытка переложить бремя доказательства некогерентности на оппонента не видится нам обоснованной – можно привести равные по силе аргументы, что доказывать должен сам Чалмерс, если он стремится к истине, а не его оппоненты. Некогерентность ничуть не легче доказать, чем когерентность – и в первом, и во втором случае изначально присутствует (предполагается) та или иная логи-

ческая система, со своими собственными, релятивизированными к ней критериями когерентности. Политкорректность же аргументации – «кто за кем слово должен держать» – вещь внешняя и не имеющая доказательной силы в области науки.

Однако в типологии невозможных объектов фигурирует не только понятие логической возможности / невозможности. Сол Крипке, на которого Чалмерс опирается в своей модальной аргументации, говорит нам о чем-то мыслимом, но тем не менее невозможном в силу некоторого типа квазиэмпирической, *концептуальной* невозможности существования соответствующего объекта. Данное квазиэмпирическое трактуется у Крипке в качестве *метафизически необходимого (или метафизически невозможного)*. Сказанное может быть рассмотрено на примере скептического парадокса С. Крипке, связанного с понятием индивидуального языка [11].

Конструирование языков, даже искусственных языков логики, включает в себя некоторый эмпирический, семиотический момент, связанный с материей знаков и с их организацией в систему. Есть некоторые вещи, которые не могут не соблюдаться нами применительно к материи знаков. Например, знаки должны быть воспринимаемы нами. Знаки должны сохранять какое-то постоянство собственной формы, они не могут исчезать и появляться без нашего на то желания, превращаться в другие знаки и т. д.

Языковые основания концептуального а priori требуют дальнейшего углубленного изучения, которое уже выходит за рамки предложенной нами работы. На очереди стоит также определение и проработка категории квазивозможного, допускающего как возможность, так и невозможность чего-либо.

Литература

1. Анкин Д. В. Мыслимое и возможное в свете конечности интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4(36). С. 20–27.
2. Гуцин И. А., Козырева О. А. Философия сознания сквозь призму анализа языка: от метафизики до нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 33–45.
3. Фролов К. Горизонты возможного. Очерки аналитической метафизики. Санкт-Петербург: «Геликон Плюс», 2018. – 218 с.
4. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: «Прогресс», 1980. – 448 с.
5. Целищев В.В. Философия математики. Ч.1. Новосибирск: «Наука», 2002 г. – 212 с.
6. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
7. Berto F. Schoonen T. (2018) Conceivability and possibility: some dilemmas for Humeans. *Synthese*: V. 195 (6). pp. 2697–2715.
8. Church A. (1936) An Unsolvable Problem of Elementary Number Theory. // *American Journal of Mathematics*. Vol. 58, No. 2 pp. 345–363.
9. Gödel K. (1992) On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems. Dover Publications, INC. New York. 72 p.
10. Hintikka, Jaakko (1975) Impossible Possible Worlds Vindicated. *Journal of Philosophical Logic* Vol. 4, No 4. pp. 475–484.
11. Kripke Saul A. (1982) Wittgenstein on rules and private language: An Elementary Exposition. – Cambridge (Mass.), 150 p.

12. Lewis David (1996) Elusive Knowledge // *Australasian Journal of Philosophy* Vol. 74, No. 4. pp. 549–567.
13. Priest G. Thinking the Impossible // *Argumenta* 2, 2 (2017): pp. 181–194. 2016 Springer ISSN 2465-2334. Available at: <https://www.argumenta.org/wp-content/uploads/2017/06/1-Argumenta-22-Graham-Priest-Thinking-the-Impossible.pdf> (accessed: 18.09.2021).
14. Putnam H. The Meaning of «Meaning». // Putnam H. *Mind, Language and Reality*. Philosophical Papers, Cambridge, Mass., Vol. 2. 1975, pp. 215–227.
15. Russel B. Is there a God? Available at: https://www.cfpf.org.uk/articles/religion/br/br_god.html (accessed: 18.09.2021).
16. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Tarski A. *Logic, Semantics, Metamathematics*, 2nd ed. (Indianapolis: Hackett), pp. 152–278. 1983 – 536 p.
17. Yablo S. (1993) Is Conceivability a Guide to Possibility? *Philosophy and Phenomenological Research*. Published By: International Phenomenological Society. Vol. 53, No. 1, pp. 1–42.
18. Williamson T. (2013) *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford University Press. 480 p.

References

1. Ankin, D. V. (2016) [Thought and the possible in the light of the finiteness of the intellect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. Vol. 4 (36), pp. 20–27. (In Russ.).
2. Gushchin, I. A., Kozyreva, O. A. (2017) [Philosophy of consciousness through the prism of language analysis: from metaphysics to narrative]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. Vol. 40, pp. 33–45. (In Engl.).
3. Frolov, K. (2018) *Gorizonty vozmozhnogo. Ocherki analiticheskoy metafiziki* [The horizons of the possible. Essays on Analytical Metaphysics]. St. Petersburg: «Helikon Plus», 218 p.
4. Hintikka, J. (1980) *Logiko-epistemologicheskiye issledovaniya* [Logical and epistemological studies]. Moscow: «Progress», 448 p.
5. Tselishchev, V. V. (2002) *Filosofiya matematiki* [Philosophy of Mathematics]. Part 1. Novosibirsk: «Science», 212 p.
6. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchiy um. V poiskakh fundamental'noy teorii* [Conscious mind. In search of a fundamental theory]. Moscow: URSS, LIBROKOM Book House, 512 p.
7. Berto, F. Schoonen, T. (2018) Conceivability and possibility: some dilemmas for Humeans. *Synthese*: V. 195 (6), pp. 2697–2715. (In Engl.).
8. Church, A. (1936) An Unsolvable Problem of Elementary Number Theory. *American Journal of Mathematics*. Vol. 58, No. 2 pp. 345–363. (In Engl.).
9. Gödel, K. (1992) On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems. *Dover Publications, INC*. New York. 72 p.
10. Hintikka, Jaakko (1975) Impossible Possible Worlds Vindicated. *Journal of Philosophical Logic* Vol. 4, No 4. pp. 475–484. (In Engl.).
11. Kripke, Saul A. (1982) Wittgenstein on rules and private language: An Elementary Exposition. *Cambridge* (Mass.), 150 p.
12. Lewis David (1996) Elusive Knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*. Vol. 74, No. 4. pp. 549–567. (In Engl.).
13. Priest, G. Thinking the Impossible. *Argumenta* 2, 2 (2017): pp. 181–194. 2016 Springer ISSN 2465-2334. Available at: <https://www.argumenta.org/wp-content/uploads/2017/06/1-Argumenta-22-Graham-Priest-Thinking-the-Impossible.pdf> (accessed: 18.09.2021).
14. Putnam, H. The Meaning of «Meaning». *Mind, Language and Reality*. *Philosophical Papers, Cambridge, Mass.*, Vol. 2.175, pp. 215–227.
15. Russel, B. Is there a God? Available at: https://www.cfpf.org.uk/articles/religion/br/br_god.html (accessed: 18.09.2021).
16. Tarski, A. (1983) The Concept of Truth in Formalized Languages . *Logic, Semantics, Metamathematics*, 2nd ed. (Indianapolis: Hackett), pp. 152–278. 1983–536 p. (in Engl.).
17. Yablo, S. (1993) Is Conceivability a Guide to Possibility? *Philosophy and Phenomenological Research*. *International Phenomenological Society*. Vol. 53, No. 1, pp. 1–42. (In Engl.).
18. Williamson, T. (2013) *Modal Logic as Metaphysics*. *Oxford University Press*. 480 p.

Информация об авторе:

Дмитрий Владимирович Анкин, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1899-7956, **Researcher ID:** T-7506-2017

e-mail: dv.ankin@urfu.ru

Статья поступила в редакцию: 26.09.2021; принята в печать: 11.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dmitry Vladimirovich Ankin, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1899-7956, **Researcher ID:** T-7506-2017

e-mail: dv.ankin@urfu.ru

The paper was submitted: 26.09.2021.

Accepted for publication: 11.11.2021.

The author has read and approved the final manuscript.